

мистики с французским символизмом.

Интересны и передовые статьи редактора «Армэгана», Вахида Дэстгерди, трактующие о создании вокруг журнала писательского актива. Это — первая ласточка персидской литературной общности (в Персии до последнего дня не было никаких школ и группировок).

Видное место в журналах занимает творчество провинциальных поэтов из Шираза, Хамадана, Энзели и т. д. Наряду со стихами знаменитого поэта Адибуль Мемалека мелькают новые поэтические имена, мало знакомые персидскому читателю. Это — ставка на персидскую провинцию, на вовлечение в русло современной персидской литературы новых писательских кадров.

В заключение можно сказать, что «толстые журналы» несомненно являющиеся положительным фактором развития новой персидской литературы, обладают и рядом весьма существенных недостатков. Основной недостаток вытекает из самой природы журналов — органов группы рафинированной тегеранской интеллигенции. Отсюда, если можно так выразиться, крен в сторону своеобразного персидского «эстетизма», обсасывания и пережевывания творчества древних персидских мастеров, как это делали представители узко-лингвистической ветви европейского востоковедения. Отсюда и недостаток боевого жара и социальной значимости всего журнального организма, призванного быть активнейшим организатором современной персидской литературы — литературы новых классовых и социальных слоев.

З. Хацревин

АРНО ГОЛЬЦ

Немецкий поэт Арно Гольц, скончавшийся в конце октября 66-ти лет от роду, был некогда пролагателем новых путей и сыграл большую роль в развитии современной немецкой буржуазной литературы. Немецкая буржуазия,

всецело подчиненная в области литературы могущественным влияниям французской и английской буржуазии, чрезвычайно слабо отобразила революционный под'ем 1848 года.

С возникновением немецкого рабочего движения 70—80-х гг. наступил плачевный конец наивному периоду новей немецкой буржуазной литературы. Литературе пришлось заняться социальным вопросом. Так было положено начало натурализму в немецкой литературе, который, однако, остался лишь бледным и посредственным отображением победоносного французского натурализма.

Арно Гольц был первым провозвестником натурализма в немецкой литературе. В своем сборнике стихотворений «Книга времени» (1885) он впервые в Германии делает предмет поэтического изображения новую столицу с ее наемными домами и нищетой. Формально он примыкает к Гейне, Гервегу, Фрейлиграту и Дингельштедту, чем документально выявлял зависимость раннего немецкого натурализма от революционной литературы сороковых годов.

Его позднейшие изобразительные методы, заимствованные им у Золя, заключались в детальнейшем наблюдении и точной до мельчайших подробностей передаче действительности.

В области поэтического творчества Гольц углубил литературную революцию, радикальным образом изменив формальные принципы изображения. Метрическое построение он заменил ритмическим, которое должно было тончайшим образом согласоваться с содержанием.

Но постоянное бремя материальной нужды сломило его силы. Не в пример своему ученику Гергардту Гауптману, достигшему в своих «Ткачах» наивысших поэтических вершин немецкого натурализма, Арно Гольц не преклонил колен перед официальной властью.

Его «рок» заключался в том, что он не понял двигающих сил развивающегося общества и не видел иного выхо-

да, кроме горьких выпадов против неопределенных «несправедливостей» и платонической надежды на общественные перемены.

Поэтому и поэтическое творчество его, характеризующееся революционной тенденцией и ставящее ряд интересных проблем, не является, в общем, значительным шагом вперед по отношению к революционной литературе 40-х годов. Открытое пристрастие Гольца к рабочему классу, одушевляющее большинство его поэтических произведений, является ничем иным, как бледным отображением начала массового пролетарского движения в Германии. Но уже один этот факт возносит его поэзию неизмеримо высоко над «гениальной мазней» того, осмеянного Мерингом, натурализма, который бесславно иссяк, равно как и над «рыцарями положения», вроде Гергардта Гауптмана.

«ДЕЛО ЛАМПЕЛЯ»

«Дело Лампеля» является в настоящее время предметом живых обсуждений в Германии. «Лево-радикальный» писатель, недавно опубликовавший роман, посвященный деятельности немецких националистских тайных организаций, был арестован и обвинен в причастности к одному из верхне-силезских кровопролитий, учиненных фашистской корпорацией «Оберлянд» в 1920/21 г. Дело это представляется нам интересным и характерным по двум причинам.

Прежде всего Петер Мартин Лампель является представителем мелкой буржуазии, вполне деморализованной войной, революцией, инфляцией и т. п. Он олицетворяет собой моральную разнузданность класса, культурного слоя, поколения, которую не сдерживает ничто, — даже цепи определенной профессии. Сын священника, воспитанник аристократического института, во время войны доброволец. Он изучал теологию в Берлине, был офицером в Балтике, был попеременно художником, издателем, полицейским офицером, преподавателем физической культуры, банковским

чиновником и сотрудником бюро рейхсвера; будучи полицейским, он состоял членом разных фашистских корпораций в Тюрингии. Пока внезапно, в 1928 году, не выступил со своими разоблачениями по поводу постановки дела в попечительных учреждениях. Его «Восстание в воспитательном доме» сорвало покров с буржуазных псевдо-гуманизма и псевдо-культуры. А его вскоре после этого вышедший роман касался еще более щекотливых вопросов: деятельности тайных национальных организаций в Германии.

Таким образом в лице Лампеля мы имеем нынешнего «лево-радикального» писателя, участие которого в преступлении 1920/21 г. представляется если не вполне вероятным, то не невозможным. Подчеркиваем еще раз: он является не единичным примером, но характерным и типичным для целого поколения разлагающейся буржуазии.

Но дело это представляется нам чрезвычайно поучительным также с другой стороны. В Верхней Силезии и в Баварии в 1919—21 гг. и позднее было совершено не мало убийств. Многочисленные союзы и организации последователей Носке—Людендорфа—Эххарда—Гитлера работали с чрезвычайным рвением. Над всеми этими убийствами было «распростерто покрывало любви», как выразился один поэтически настроенный прокурор.

В Германии имеются сотни добрых патриотов, которые в свое время прилежно поохотились за «предателями» и «наемниками Москвы» и которым сейчас никто не мешает спокойно и благополучно заниматься своими делами. Что же побудило прокурора именно в этом единственном случае (если предположить, что обвинение было справедливым) выступить проповедником «кровной мести»?

Дело ясно: Лампель мог быть повинен в двадцати подобных убийствах, и это несколько не ставилось бы ему в упрек, если бы его теперешняя линия продолжала его верхне-силезские подвиги.